

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том II

Ответственные редакторы
Академик А.П. Деревянко
Член-корреспондент РАН Н.А. Макаров

Москва 2008

ганный могильник, 12 курганов которого датированы XIV – началом XV в. К юго-западу от курганов на берегу старичного озера находилось селище этого периода.

Таким образом, после событий «великой замятни» в Орде, Куликовской битвы бассейн Среднего Дона полностью не запустел. Здесь, как показано выше, в период плавания Пимена существовали русские поселки, золотоордынские поселения и мавзолеи, поселки населения, оставившего грунтовые могильники типа Таганского. Продолжали вести хозяйственную деятельность в этом районе кочевые группы населения. Однако ситуация в Среднем Подонье в конце XIV – начале XV вв. была нестабильной, о чем свидетельствуют клады золотоордынских монет этого периода (Отрожки, Девицы).

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в., 1964. Т. III. М., Л.

Березуцкий В.Д., 1988. Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Введенский С.Н., 1905. Червлёный Яр. Церковно-исторический и географический этюд // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж.

Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. Погребения средневековых кочевников в могильнике у С. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.

Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края.

Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов. Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ. Вып. 37. М.

Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995. Памятники средневековья у станицы Глазуновской // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовой могильник. Воронеж.

Прокофьев Н.И., 1978. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. М.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Хреков А.А., 2003. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червлёного Яра) // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий. Саратов.

Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье // СА. № 3.

Цыбин М.В., 1989. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж.

Цыбин М.В., 2007. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. Вып. 221.

Шенников А.А., 1987. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.

М.П. Чёрная

Томский государственный университет

Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении*

Со второй половины 1990-х гг. обозначилась тенденция к пересмотру русского характера колонизации Сибири на российский в связи с тем, что среди переселенцев были не только русские, но и представители других национальностей. Этническая неоднородность отличала прежде всего и больше всего служилую среду. В «литовских» и «черкесских» списках «служилых иноземцев» XVII в.

встречаются украинцы, белорусы, поляки, литовцы, немцы, французы, голландцы, шотландцы, англичане, испанцы, итальянцы, греки, турки, румыны, венгры, молдаване и «африканский арап».

Могла ли полиэтничность, действительно при-
сущая сибирскому обществу, внести хаос в установленный традиционный миропорядок русского православного общества и стать разрушительной силой

сложившихся традиционных канонов, как считает А.А. Люцидарская (1997. С. 158)?

На современном этапе культурное содержание колонизационного процесса может быть разносторонне и предметно рассмотрено по археологическим источникам. Раскопки городских и сельских поселений, коммуникаций, основанных землепроходцами, а также некрополей, где покоятся их создатели, во многом способствовали переоценке поздних памятников XVIII–XIX вв., обладающих мощным историко-информационным потенциалом, с одной стороны, и отказу от абсолютизации письменных источников как исчерпывающего кладезя сведений, с другой стороны (Леньков и др., 1988. С. 7, 108–111).

Среди поздних памятников в овеществленном виде воплотивших процесс колонизации, первое место принадлежит городам. Именно города сыграли ключевую роль в присоединении и освоении сибирского края, а поздняя археология эпохи колонизации – это прежде всего городская археология.

В разнообразном множестве археологических источников сибирские города предстают именно как русские города, что нашло отражение в их расположении и облике, архитектурных и конструктивных элементах застройки, предметном мире, воспроизводящем образ жизни переселенцев, хозяйственных занятий жителей.

В Сибири, где город XVI–XVII вв. выступает первичным по отношению к деревне типом поселения, особенно очевидна его ведущая роль в создании и развитии архитектуры (новой для этого региона), но принадлежащей единой русской архитектурной традиции и культуре в целом.

В сибирский край основной опыт строительства был перенесен из европейской России. В разнообразии деревянных сооружений Сибири от простейших зимовья, заимки, клетской избы, до усадьбы, величественного храма, развитого города и кремля с передовой строительной фортификацией воплотилась ускоренная, сжатая в считанные десятилетия, эволюция русского деревянного зодчества предыдущих столетий, и воспроизведение на новой земле старых, проверенных архитектурно-строительных методов и форм. Появление под влиянием местных условий своеобразных черт (простота и лаконизм архитектурных решений и декора, компактность, разнообразие планировок и т.д.) не привело к утрате сибирской архитектурой национального лица, она осталась значительной по масштабности и значению ветвью общерусской архитектуры, носителем ее древних, самобытных традиций.

Традиционная и производственная культура русских сибиряков, представленная в археологических матери-

алах: в земледелии, скотоводстве, различных ремеслах – кузнечном, кожевенном, сапожном косторезном, гончарном и прочих применялись хорошо отработанные, типично русские технологии. По археологическим данным не приходится говорить о хозяйственном окультуривании русских сибирскими инородцами в области охоты и рыболовства. На первых порах знания о путях миграции животных, основных мест нереста русские получали от аборигенного населения, но способы добычи зверя и рыбы у русских были свои, принесенные «с Руси». Часть этих приёмов и орудий, например, давящие ловушки типа пасти, сложносоставные луки, капканы, невод и др., настолько давно и прочно заимствовали инородцы, что им стали приписывать происхождение ловчих приёмов и предметов снаряжения, авторство которых на самом деле принадлежит русским (Белов и др., 1981. С. 74; Визгалов, 2007. С. 40, 41, 134, 135; Скобелев, 1994. С. 41, 45; Татауров, 2002. С. 155, 156; и др.). Изучение русских археологических памятников в Сибири надёжную доказательную базу создаёт в отношении самостоятельного характера русской охоты и рыболовства в широком пространственно-временном диапазоне. Анализ этнографических материалов также позволяет сделать обобщающий вывод об устойчивости русской этнической культуры в новых для неё условиях, приспособление к которым происходило, главным образом, на базе культурного потенциала, наработанного на исторической родине (Рындина, 2003. С. 73–82).

Изучая материальную культуру русских XVII–XVIII вв. в Сибири, мы изучаем общерусскую культуру не потому, что подавляющее большинство бытовых предметов тогда были привозными, как считал А.Р. Артемьев (2005. С. 12). Ведь значительное присутствие русского импорта в аборигенных памятниках не изменило их этнического облика и содержания. Русские несли навыки своей социальной, хозяйственной, бытовой, духовной, досуговой культуры, укоренение и адаптация которой в сибирском крае совершались на своей этнической культурной основе. Среди переселенцев были представители других славянских и не славянских народов, о чём имеется немало письменных свидетельств. Но в археологическом материале их присутствие практически не отражено, поскольку иноэтничные и инкультурные элементы поглощались русской средой и культурой. Важные и нужные для воссоздания исторической картины прошлого частности в археологическом контексте сглаживаются, растворяются, зато предметно и выступает суть процессов и явлений. Археология объективно и конкретно выявляет русскую природу сибирского города и его созидательную роль в преображении громадного региона.

Успехи русской археологии внесли важный вклад в изменение отношения к русским, как к этносу, давно ставшему коренным не менее, чем малые аборигенные народы, и который, по выражению С.В. Бахрушина, «трудом и культурой» осваивал Сибирь.

Исследуя ископаемый русский город Сибири, который являлся двигателем исконных культурных традиций и фактором цивилизационного преобразования края, поздняя археология выступает как «национальная археология»: погружает нас в подлинный материальный мир эпохи освоения нашими предками Сибири, она помогает в процессе самопознания и самоидентификации, что делает «науку о древности» актуальной.

Русское заселение Сибири стало особым, ярчайшим этапом расширения русской этнической территории и распространения русской этнической культуры. Ни русская народность, ни ее культура отнюдь не потерялись в Сибири. Влияние в общий поток колонизации культурных традиций и особенностей, присущих различным регионам России, а также иноэтничных и инокультурных элементов, действие природно-географического фактора обусловило своеобразие сибирской культуры, придало ей характер локального (а точнее регионального – М.Ч.) варианта единого целого – общерусской культуры (Александров, 1981. С. 3–7; 1997. С. 6, 8).

Археологические исследования подтверждают то, что на макроуровне, где генерализируется основное, наиболее существенное, процесс колонизации предстает российским с точки зрения государственности и русским по культуре.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 07–01–00103а.

Александров В.А., 1997. Кто мы, русские? // Русские: Историко-этнографические очерки. М..

Артемьев А.Р., 2005. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазей. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.

Визгалов Г.П., 2006. Мангазей – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.

Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К., 1988. Командорский лагерь экспедиции Беринга: (Опыт комплексного изучения). М..

Любидарская А.А., 1997. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск.

Рындина О.М., 2003. Традиция и новация в системе жизнеобеспечения русских Нарымского края // Археолого-этнографические исследования в южнотайской зоне Западной Сибири. Томск.

Скобелев С.Г., 1994. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк.

Татауров С.Ф., 2002. Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Н.И. Шутова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

Тюркские элементы в культовой практике удмуртов XIX – первой половины XX в.: археолого-этнографический аспект

Удмурты – один из финно-угорских народов, проживающих в лесной зоне Восточной Европы, в междуречье рек Камы и Вятки. С давних времен эти территории являлись зоной межэтнических контактов местных финно-угров с разными группами населения: индоиранцами, тюрками, славянами. Во многом культурное своеобразие духовного наследия удмуртов явилось результатом их контактов с обитавшими прежде и проживающими здесь ныне народами. Настоящая статья посвящена теме «много-

угольного пространства» в верованиях и фольклоре удмуртов.

В XIX – начале XX в. у отдельных территориальных групп удмуртского населения сохранились разные типы дохристианских почитаемых мест. Как правило, планировка срубных сакральных построек куала и ограда большинства культовых мест традиционно имела прямоугольную и округлую (овальную) форму. На некоторых сакральных объектах южных удмуртов – в южных районах Удмуртии и